

Центральная городская библиотека им. Н.В.Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Руслан СИДОРОВ
ПОЭЗИЯ – БЕССОННИЦА ДУШИ
Алтайская тетрадь
СТИХИ

Составитель – Сергей Гринберг

*По жизни черновик не перечёркивал,
И набело с ошибками прожил.
Руслан Сидоров*

Новокузнецк
2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С34

Сидоров Руслан Геннадьевич

Поэзия – бессонница души : алтайская тетрадь : стихи /
Руслан Сидоров; сост. Сергей Гринберг ; Центральная
городская библиотека им. Н. В. Гоголя, Новокузнецкий
городской клуб любителей фантастики «Контакт». –
Новокузнецк, 2015. – 80 с. : ил., фот.

@ Руслан Сидоров

Исследователь черновиков и составитель – Гринберг С.И.

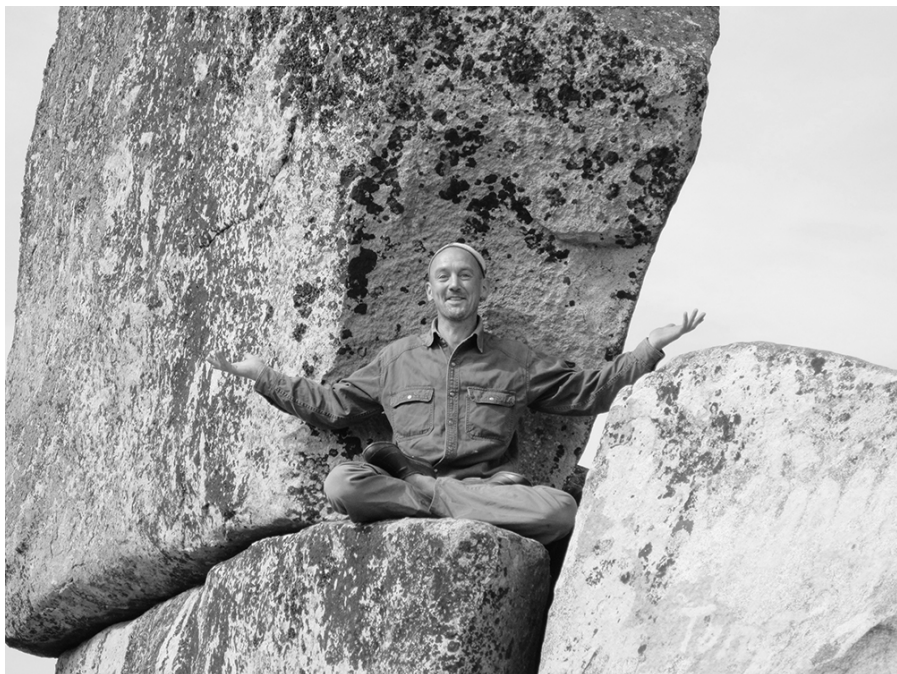
На страницах 30, 40 и 64

– автографы из «Алтайской тетради» Руслана Сидорова

На первой странице обложки – рисунок Софьи Бестужевой (Москва)

«Остановить время... Часовщик»

Подготовка к печати и ответственный за выпуск – Калашников Н.Н.

Сидоров Руслан Геннадьевич

(30 ноября 1968 – 7 июня 2013)

**«... и – на душу дождём слова,
чтоб в рифму падать»**

Самая печальная радость – быть поэтом.
Всё остальное не в счёт. Даже смерть.
Ф.Г.Лорка

После трагической гибели поэта Руслана Сидорова осталось большое поэтическое наследие – десятки тетрадей, записных книжек, блокнотов со стихами, записями, конспектами. Группа друзей Руслана занимается разбором этого наследия, которое, хотелось бы надеяться, когда-нибудь станет нужным нашему городу. При этом находится много ранее неизвестных стихов поэта.

Осенью 2005 года Руслан с бригадой золотоискателей уехал на заработки на Алтай. Сразу скажем, что эта затея окончилась для Руслана ничем. Золота он не добыл, да и денег много не заработал. Но остались стихи, написанные на Алтае. Много стихов.

Недавно была найдена общая тетрадь, исписанная Русланом во время работы на Алтае. Десятки стихотворений, написанных живым, узнаваемым, «руслановским» языком. О чём пишет Руслан? О труде в рабочей бригаде. О мужицких попойках (а как без этого?) О завораживающей природе Алтая, которая всегда вдохновляла творческого человека. В лирических стихах появляется образ туманной и далёкой Музы:

– *Мы когда-нибудь увидимся снова?*
– *А зачем? Когда мы в вечности вместе.*

В некоторых стихах седой Алтай навевает герою мысли о древней Элладе:

*Где Лацциум? Где мы? И где Эллада?
Где я? Я на Алтае; он горист...*

Конечно, много размышлений о жизни и смерти, о смысле и назначении Поэзии, Слова – святых для Руслана понятиях.

Можно читать эти стихи и узнавать интонации и поэтический почерк Руслана Сидорова. Можно отмечать многочисленные упоминания, образы, цитаты из мировой поэзии. Можно восхищаться мастерством поэта, когда, например, обыгрывается золото цветов на земле и золото, что ищут под землёй (*И золото, что роет у земли, / Набросано поверх её в достатке...*) Можно предположить, что один из стихов (*Дождь над палаткой. День / короток и уплыл...*), скорее всего, «навечен» стихотворением И.А.Бродского «Натюрморт». (Спустя два года Руслан напишет талантливое исследование об этом шедевре Бродского.) Много доброго и самобытного можно увидеть в алтайских стихах Р.Сидорова и многое можно взять для души и ума. Для этого нужно всего лишь прочитать их, не спеша.

Сергей Гринберг

* * *

В сентябрь вновь расцветают «огоньки»
Скромнее майских, майских неприметней.
Посёлок Майский. Лагерь у реки.
И день по-женски тёпл, по-бабьи летний.

И золото, что роем у земли,
Набросано поверх её в достатке.
И огоньки ещё раз расцвели.
Моя весна придёт ко мне под старость,

Спокойно-мудрой, ясной, золотой.
Что всё не зря – в сентябрь станет ясно.
Я стану огоньком, а может, ямбом,
В альбоме чьём-то лёгшем на листок.

* * *

... На моих плечах лежала нежность,
И я слушал розовые губы...

Если б я был ветром, то я дул бы
В август-окарину. Только это

Между рук моих была планета...
Нет – звезда... Нет – право, я не знаю.

Если б я был небом, то вместил бы
Нас двоих, но небо не вмещало.

И я слушал розовые губы,
Что солёным шёпотом вещали;

Я запомнил только «но», и «не», и «будем»,
И ещё вот это – «никогда».

... Лёгкой нежной тяжести не стало
На моих плечах; ах, если б – сильным.

* * *

Но как шершень осу уносит,
Засекает задумку-память.
Я подумал, что завтра будет
Обязательно и надолго.

Дети в школу внесут букеты
Под небудничный бубен звонкий,
И никто не умрёт в печали,
А тем более, от бессилия,

И в толковый словарь запишут:
«Осень – лучшее; встреча с лучшим».
И, всекаясь в сентябрь, осы
Станут солнцем, листвою, лаской.

* * *

Легко без рифм и без безрифмья
В сентябрьский полдень на горе
Смотреть, и слушать, и смотреть,
И слушать. Речка... Окарина...

Лишь голос мух, лишь голос ос
Из голосов живых в осеннем.
Легко, без ритмов, без часов,
Лишь листья стучались о землю.

Лишь солнце сыпало песок
В сентябрь золотой... Червонный
Свет. Нету лишних голосов.
На свете есть покой и воля.

* * *

О, Господи! За что такое всё?
Кому? И мне? И мне равно со всеми!
Ужель и вправду всяк тобой спасён
Уже сейчас, за день до воскресенья?

Вокруг пихтач. Привычны комары.
Есть чай и даже, Господи, сгущёнка.
Я проиграл. Но результат игры –
Да вот он, здесь. И что мне счёт! Что счёты!

Так слишком, не по-свойски хорошо,
Что страшно жить вперёд навстречь другому.
Но буду, ибо и сюда дошёл,
Не зная ничего за дорогое.

Да, дорогая. Вот так реприманд:
Из грязи в князи. Размотав портянки,
Князь пальцами шевелит, и роман
Становится романом без натяжки,

С романским «R» хрустящего костра,
Под флейту ветра и сурдинку гнуса.
И даже, если завтра умирать,
В сегодня всё, чтоб спеть и улыбнуться.

* * *

Ох, как красиво! Всё в междометьях.
Больше не скажешь ахов да охов.
Северный ветер, стих на рассвете,
Синий туман да возгласы вздохов.

Я на работу при полном параде:
Пара сапог да спецовка с банданой*.
Дело поэтов идти на-гора, и
В гору шагаю с рюкзачным приданным.

Синий туман разбавляется жёлтым.
Осень стоит, словно девка на выдан.
Ох, хорошо мне! Ах, хорошо мне!
В гору, а значит, жизни на вырост.

То, что прошло, стало тесным не в пору.
Осень-невеста нарядна, как сказка.
Тянет магнитом синее в гору,
Тема бродяг, верхолазов и скальдов.

Сердце, глупея, нальётся рябиной.
Даже кедровки поют соловьями.
Нас не любили, или любили –
Не всё равно ль, если любят нас явно.

Ясно, как свет. Вот и впитывай, память.
Пища НЗ на чернотные ночи.
Солнце поднялось. Росы упали.
Вот и вершина, и жизнь. Многоточие.

* Бандана – головной убор в виде косынки.

* * *

Опять сентябрь. Старый маскарад
Деревьев. Птиц не слышно – улетели.
Что нового, унылая пора?
Лишь нары саморубленной постели.

Куда ни путешествуй, всё своё
С собою уносящий, будет дома.
Зелёный чай, и Бродский, и на «ё»
Похмелие, и преферанс, и доля

Ироний скепсиса в наречье «хорошо»,
Неизречённость чувств и нареканья;
«Смотри! Един лишь раз!». И вот стишок
У речки, между прочим, на закате.

* * *

Нету желанья работать, стенать, возражать,
Просто сидеть, и играть, и отыгрывать гору.
Из горловины вино передвинулось в горло;
Горько, как горько, – и всё ж отчего-то не жаль.

Нету желанья, радости, смысла, слуги.
Есть сапоги и портянки, кайло и лопата.
Жизнь не театр, но прочная школьная парта.
Впрочем, коль очень, то это... с урока сбеги.

Нету отчаянья, счастья, часов и зеркал.
Есть отраженье, и жизнь, и желание выпить.
Скоро октябрь золотою листвою засыплет
Ямы шурфов, где ты золота не отыскал.

* * *

Сегодня ветер-почтальон
всю ночь работал.
Октябрь. Бабье лето. Сон.
С утра – суббота.

В палатке холодно. Трава
хрустит куржаво.
Спирт за нулём на минус два,
но дров не жалко.

Чугун малиновел с берёз.
Чай был зелёным.
А шоколад был с миндалём
(мой завтрак лёгкий).

И реку вброд переходить
при пневмонии.
Но бригадир, и я за ним,
и иже с ними.

«Мы ищем золото» – смешно,
что в «мы» том – я есть,
Но не до смеха: скользко дно,
вода до я... .

О, оды осени! Вода
и небо сини.
И рифмы новые: «руда»,
«копать и сеять».

Я сам себе не режиссёр,
я здесь рабочий.
И сам себе почти что всё,
а больше Бог лишь

Да бригадир. Ну, а металл,
что благороден, –
Его я кое-где видал:
кольцо, корона.

Остановился на пере.
«Перо золотое»
Доступно будет в октябре,
коль не потонем.

Эх, берег левый впереди,
гора, кручина.
К полудню неба парадиз.
Светло и чисто.

А что устал... А что устал?
Есть чай и время.
Суть чань-буддизма* – простота:
сiju и греюсь.

Сiju, хлебаю. Надо мной
куда-то гуси.
С утра морозно. В полдень зной.
Судьба, знать, Руся.

Такая штука, что её
не переспоришь.
Да и не пробую. Да, ё!..
Сiju и помню.

* Чань-буддизм – школа китайского буддизма.

* * *

Октябрь – скоро. Ночи холодны
И звёздны. Благо, что берёза,
Особенно сырая, не сгорает
Подолгу, но зато сгорает жарко.
И всё же в пять утра в палатке ноль.
Ощупывая ночь, ищу дрова,
В помощниках созвездия и спички.
Октябрь – скоро. Холодно. Темно.
А через полчаса бока красны,
И можно спать, но закипает чайник.
И жалко время, кипяток. А снов
Хватает мне и наяву для пробужденья.

* * *

Октябрь – скоро. Скоро ляжет снег.
Окончатся работы полевые,
И я домой поеду, и впервые
За много, много, много, много лет
Я денег заработаю за лето,
И, может быть, случится что-нибудь.
Допустим: отболевшим отболею,
И положу на горькое табу,
И отрекусь от смерти Галилеем,
Сказавшим, что видал её в гробу
Вертящейся; налью и пожалею.
Парариум – палатка. Поты – камни,
Нагретые для ночи; это – осень.
И, как всегда, внезапен первый снег.
При солнце полдня волглая прохлада,
И на зелёных струнах лирных сосен
Злой бисер – ослепительным зрачком.

* * *

Где Лациум*? Где мы? И где Эллада?
Где я? Я на Алтае; он горист.
Здесь не растут Парис и кипарис.
Елена не прекрасна. Ну, и ладно.

Сегодня понедельник. Трудный день.
Похмельному трудиться неохота.
Всё началось, мне кажется, в субботу,
В шабат-шабаш, и до сих пор мне лень.

Эллада где? Где Лациум? Где я?
В палатке я. Похмелье. Понедельник.
Не в радость мне вчерашнее раденье,
Демьянов спирт. Я сам себе Демьян.

Алтай горист. Река здесь Хуанхэ
От драги, что стоит в её верховьях.
Где я? Где исключительно на «хэ»
Все рифмы в понедельник мимо схолий**.

И то, что небогат запас словес...
И то, что месяц осени унылый...
Опасно жить. Сентябрь. Ветер. Вес
Похмельной головы. Душа изнылась.

Где Лациум? Где я? Эллада где? –
В Караганде – рабочим эвфемизмом.
Но жизнь, переломив меня, сквозь призму
Свою, перо даёт, не барствуя, радеть,

Как те до нашей эры, но не так,
Не то, что хуже, скажем так – беднее.

Не Лациум, Эллада – но Алтай,
И иже с ним душа, и иже с нею

Всё остальное: осень, дождь, вода
Сжелта реки, заглиненная драгой.
Охота жить, но никого нет рядом.
И эта ода водке, господа.

И эта ода до смерти грустна.
Опять же осень. А точнее, сентябрь.
И водки нет. И вовсе не до сна.
И жизнь нейдёт, но на кого-то тянет.

И «на кого ты тянешь, стрекоза?»***
Здесь стрекоза у Бродского для рифмы.
А у меня – для Бродского и ритма,
Для лирики, для против правил. За

Постмодернистский перебор цитат,
«Чужое слово» даже на Алтае,
С похмелья родное, ибо так
Душа чужим живёт и прирастает.

В поэзии, где слово-плагиат
Имеет смысл отличный и отличный,
Я сам себе палач и сам ПиАр.
Эллада где? – Где я – я там не лишний.

Я здесь. Скажи ещё раз так: я здесь.
И там, где я, там всё моё со мною.
Эллада где? Где Лациум? Везде,
Где я. И дела нет до остального.

* *Лациум – область в античной Италии.*

** *Схолии – комментарии в рукописях.*

*** *«На кого ты тянешь, стрекоза?» – строка из стихотворения И.Бродского «Разговор в разговоре».*

* * *

1.

Дождь над палаткой. День
Короток и уплыл.
Это Алтай, и здесь
Осень и иже с мы.

Дождь. Поллитровка. Кот.
Печка. Пшено. Дрова.
Этакий натюрморт
Я сжива срисовал.

Кружка. Чифирный чай,
Ибо отобран спирт.
Лампочка Ильича,
Что не закопан спит.

Осень. Алтай. Сентябрь.
Горы вокруг, бо горист.
И разноцветный табор
Листьев вокруг царит.

Тяжек короткий день.
Дождь. Бодун. Неуют.
Жёлтый лист по воде
Жёлтой плывёт на юг.

2.

Понедельник. Сентябрь.
Скоро выпадет снег.
Мой подельник котяра
Вымурлычет во сне

Натюрморт неуютю.
Холод. Сырость. Бодун.
С опохмельным салютом
Горняки не идут.

Что им там, на канаве
В дождь, в обнимку с кайлом?
Эх, Данилыч, каналья,
Спирт забрать запаadlo.

Ладно, поближе к теме,
К телу; ватник надеть.
Жёлтые хризантемы
Листьев в жёлтой воде.

Жёлтые пупырышки
В лужах, жёлтых до dna.
Жёлтый, а также рыжий
Лист и сжелта волна.

3.
Чтобы вернуться вспять,
Нужен синюшный спирт.
Это победа, Пирр?
Это беды не спят.

Это промозглый дождь
По венозным мозгам.
Осень – промоушен; зга.
Зги промоушен дом

Далеко-далеко.
Чтобы вернуться вспять,
Нужен октябрь, опять
Же спирт, а не молоко,

И не чифирный чай.
Спирт, что отобран, – есть.

Есть у Данилыча,
Но лучше бы был он здесь.

Спирт не похож на спорт
Так же, как мор на мир.
Если я жив до сих пор,
Значит, налил для лир.

И, не имея лар,
Фунтов стерлингов, лир,
Я находил Икстлан*
В Петушках у земли.

Сколько я перечитал,
Столько же пережил.
Так закалялась сталь.
Так и тмин был зашит.

Так и жил, не зажат
Домом, модой, судьбой.
Спирт – конечно же, ржа,
Но ведь всё на убой

В этой жизни. Словам
Лишь цвести после нас,
Коль душа в них жива,
Коли ими полна.

Дождь идёт. Горняки
Не идут. Западло.
Где вы там, «синяки»?
Одному тяжело

Воевать с бодуном,
Вместе как-то ловчей.
Потому что одно
Горе – дождь, и зачем

Горняки не идут?
Что им там, на горе,
В дождь, в похмельном бреду,
С бодуна, в сентябре?

Золото что ли рыть?
На фиг, на фиг оно?
Я один вне игры
На один с бодуном.

То ли печь затопить?
То ли в баню сходить?
Если б было, что пить,
Я бы песню родил.

Ну, а так – ничего:
Не живой и не мёртв.
Я один с головой
Забубённой замёрз,

С окаянной моей,
Тет-а-тет с бодуном.
И не истины ей,
А того, что над дном

Ныне хочется. Да!
Такова селяви,
По которой: страдай,
Но, коль дар дан, – живи
Как-нибудь, вопреки
Всем прогнозам реки.

* *Икстлан – «Путешествие в Икстлан» – книга К.Кастанеды.
«Икстлан – Петушки» – эссе В.Пелевина.*

* * *

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
Когда лес сумрачен, и страшно
Блуждать и крикнуть «Караул!»
И разбудить судьбу ли, стражу.

И – врАчу, исцелился сам, –
Молчишь, но горло бредит рифмой,
И вот судьба ли, небеса
Даруют лист и острый грифель,

Что режет жизнь напополам
И вечно пребывает в центре.
И вот звонят колокола
Тебе, не по тебе, не в церкви.

Судьба... Два слога, как в «Ау»,
Когда лес сумрачный бескраен.
Услыша звон, бесстрашен странник,
Идёт, бо избранных зовут.

* * *

Сыро; октябрь всё сыплет и сыплет.
Спишь. Видишь сны: далеко-далеко
Лациум нежно-лиловых глициний –
Пусть на игольное только ушко.

Тёмно-лилово италиков* море,
Тонко, до глуби прогрето, и гладь
Томной волною в витийстве не спорит
С ритмом, что рядом витийствует Флакк**.

По пробужденью, в простылой палатке
Дождик стучит по полотнищу ритм.
Ищешь портянки... А Лаций, Эллада,
Рим или мир – ты отыщешь внутри.

* *Италики – племена, населявшие Апеннинский полуостров до образования Римского государства.*

** *Флакк – римский поэт.*

* * *

Целый вечер продолжается вечность.
Целый вечер зажигаются звёзды.
Мы с тобою проживём целый вечер,
Потому что мы с тобой – проживём мы.

Вот такие положил я расклады
И скрепил простою рифмой – в законы.
Я единожды знакомый с талантом,
А с душой я не однажды знаком был.

Трое нас, аккорда три да три слова:
«Ты да я», и целый вечер нам песней.
– Мы когда-нибудь увидимся снова?
– А зачем? Когда мы в вечности вместе.

* * *

Мне не на кого жаловаться. Мне
Отрадно то, что всё мне было в пору.
И, если опустился, а не в гору
Взошёл, то тоже сам пошёл, и не

Могу ни другу, ни врагу –
За неимением – слово осужденья.
Я одиночество не очень берегу,
Оно меня хранит на самом деле

От слова «ты», тем более, от «мы»
И лишь слова пускает близко к сердцу.
Бродяга-бражник, бывший домоседом,
Один в палатке. Месяц до зимы.

Октябрь месяц. Горы и Алтай.
Иосиф Бродский, печка, доски шконки
В каком-то классе той же самой школы,
Где всех делов – сиди, пиши, читай,

На переменах уходи в тайгу
С лопатой работать на зарплату.
Здесь у меня есть чай и шоколадка,
И сигареты не зер гут, но гут.

1 октября 2005

Сегодня первое число.
До дембеля мне две недели.
Туман к полудню разнесло,
И – красота; на самом деле:

Так сочноцветны гряды гор
В осеннем солнечном софите,
Что это... это нужно видеть.
И воздух, налитый тайгой,

Сиятельный, студёный, вкусный –
Хоть ешь его, хоть пей. Вода
Поёт по-шорски и по-русски
Одно и то же: что беда,

Беда пуста, равно – победы,
Что жизнь – движенье, смерти нет,
Что впредь бездонным непоседой
Оно – вполне, вполне, вполне.

Пусть птиц – прости, прощай – не слышно,
Пускай пытается мошкара.
Но – неунылая пора!
Октябрь. Первое. Запишем.

* * *

Для вдохновения не нужно выбирать
Особых мест, времён иль их единства.
Для действия: трезвость, чай, перо, тетрадь,
Конечно, и талант бы пригодился.

Но, коли нет, то просто от души,
Как свыше положили, как услышал –
Без отсебятины, дословно запиши;
Кто как, а мы с тобою так и пишем.

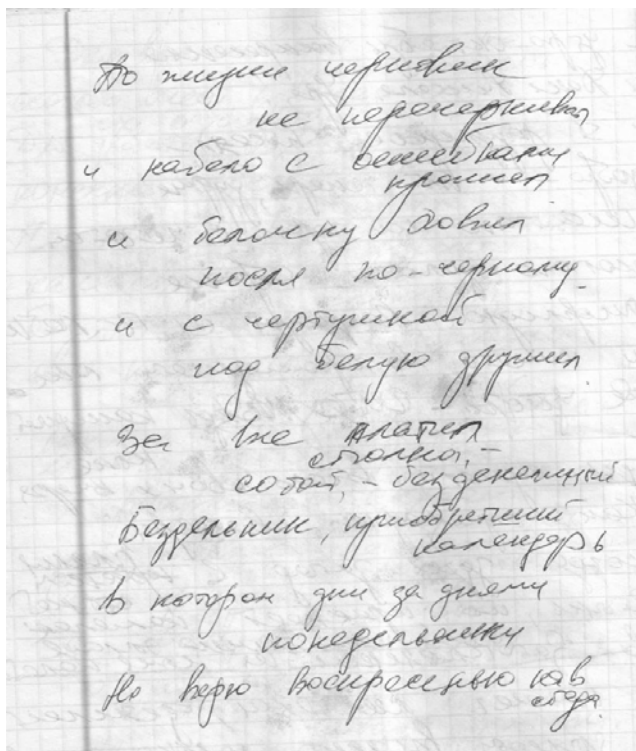
Так и поём сегодня, люблюя
В себе себя, вокруг всё остальное.
И рифмами скрепить слова, скрипя,
Не успеваешь пёрышко стальное.

(Не я придумал вечное перо.
А жаль – не я – придумано прилично).
Октябрь; золотое серебро
Росы в косых, и никого из лишних

Вокруг. Кругом – тайга, река, гора
И тишина, насыщенная светом,
Собой, рекой и песенкой пера –
Что жизнь есть жизнь в любви, что смерти нету.

* * *

С утра октябрь воскресенья
И День учителя. Ура!
И я разумное посеял –
Добро – и вот теперь, дурак,
Шагаю по горам с лопатой,
Копая золото стране.
Рифмую «Лациум» с «Палаткой»,
И ничего в прошедшем мне...
С утра – сегодня каждый ныне
Есть сумма всех своих вчера.
Как лучезарны вечера,
Когда здесь запад в пламя стынет.
Стынь, но краснеет комелёк
В моей палаточной Элладе,
И пахнет листьями, землёй
И дымом вкусно, горько-сладко.
О чём жалеть, живой пока,
Пока чаёк дымится в кружке,
Есть вдохновенье и подружка,
И пахнет ландышем щека.

* * *

По жизни черновик не перечёркивал,
И набело с ошибками прожил.
И белочку ловил после по-чёрному,
И с чёртушкой под белую дружил.
За всё платил сполна – собой, безденежный,
Бездельник, приобретший календарь,
В котором дни за днями – понедельники;
Не верю воскресенью навсегда.
Не верил, не просил и не завидовал
Тем, кто синиц (и журавлей) ловил.

* * *

Бог справедлив по-своему ко всем:
Кому-то сила, а кому отвага,
Кому-то золото, кому бумага,
Кому-то пашня, а кому-то сев.

Но если б довелось мне выбирать,
То выбрал бы себя себе ещё раз,
Дабы, на нуль перещелкнув все счёты,
Куриль беду, играть и проиграть.

А, коль Бог даст, – кое-чего ещё там.
Вот это и зовётся – фатализм:
Без веры знать, что свыше предначертан
Путь каждому от неба до земли.

(Стихотворение не закончено)

* * *

Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...
Жил ожиданием? – Ну, так и живи.
Ведь даже эта... как её?.. Любовь
Есть только ожидание любви.

Мы привыкаем к жизни без всего,
Но нашим детям с верой говорим:
Ты вырастешь? – Ты слушаешь? – Ну вот –
Полюбишь. Будешь счастлив и любим.

* * *

Неудачник во всём... как там... кажется, looser,
Равнодушно бредущий по жизни земли.
Только звёзды осенние в траурных лужах.
За своё – без руля и ветрил,

Подрулил к точке В; до омеги – немного,
А до Бога... Но тем интереснее вдаль,
Между искр осторожно ступать по дорогам,
Из острога ведущих в моё никауда.

О времени и о себе

Жизнь так хрупка. Смерть так близка, а мы
Не то, чтобы пируем среди чумы,

Но думаем: «Бутик...» иль «Ананас...».
Слезятся звёзды, глядячи на нас.

И что теперь? Не жить? Да нет, зачем?
Жить; твёрдо знать, что мера всех вещей

Не человек, а время. Но оно
От звёзд и нас равноудалено.
Поэтессе одной

Осень. Небо, слёзы звёзд.
Начался октябрь.
Горы вокруг и в полный рост.
Горизонт затянут.

Подкрасневший комелёк.
Из палатки выйдешь –
Пахнет снегом и землёй,
Только звёзды видишь.

Слушаешь: река поёт,
Да храпят соседи.
Думаешь: «Да ё-моё!
Жизнь идёт – не едет.

Ну, а едет – не везёт.
А везёт – так прочих».
Не везёт – так не везёт!
Ё – три точки прочерк.

Золото весь день искал
По горам с лопатой...
Зло хихикает река
В камнях перекатам.

Звёзды со смеху утрут
Завтра слёзы злата.
Златоуст – не златоус,
Не бывать богатым.

Скоро выпадет зима,
Кончится работа.
Я соскучился, кума,
По тебе собою.

Посидим, поговорим,
Выпьем для приличья.
Кто чего понатворил,
Тот того и вычтет.

Нам зачтётся, может быть.
Активировкой свыше –
Кто-то должен у судьбы
Быть, кто рифмы слышит:

Те, богатые твои,
Да мои пожиже.
Соловьи – не соловьи,
Да с Парнасом иже.

Ляжет снег. Кому – домой.
Мне – на фронт на старый,
Да по-новому зимой
Жить не по уставу.

Не выслуживаться – жить,
Как сказал, теряя,
Но не время – так, гроши
Пропасти по краю.

Верю Богу, не в Него.
Лишнее – второе.
Жить немного? – Ничего.
Се ля ви на фронте.

Подружиться с Музой рад
Всяк – не всякий может.
Жизнь не страшна. Смерть добра.
Всё. Спасибо, Боже.

* * *

Сегодня будет день хорош:
Созвездья в ночь, с утра – туман.
В червонном золоте корон
Нагорный лес и горный храм.

Так перед снегом жизнь щедра.
Во всей красе осенний бал.
В червонном золоте гора
И журавлиная труба.

На фоне полной тишины,
Впиваясь солнечной иглой
В пластинку льда, звучит иным
Нечеловечески-иной

Мотив; тогда откуда мне
Он внятен так, что каждый такт
Уводит к истине вовне.
Наджуравлинна высота

И там, и тут; и тут, и там,
Во мне, вовне – одно в одно –
Жизнь, осень, смерть и высота –
И нет иного; нет иной.

* * *

Октябрь. В розовой воде
Купаться хорошо и страшно.
И на вес золота весь день,
Который солнечно украшен.

Каратов многократный сноп
Слепит стаккато листопада,
Остепенённа тишиной
Лесной акустика... И пара

Рабочих курит. Осень, лес.
Всё – на горе, под сенью неба.
Царит октябрь на земле.
Но сень надмирней и юнее,

Не разбирая зим и лет,
Раздаривает свету свет.

* * *

Начать прилично с мелочей,
Дабы дойти до обобщений.
Зачем? А кто бы знал, зачем?
Зачем – кто знает – вообще всё?

Никто, я думаю. Никто.
Ушёл туда, куда не знамо.
Есть знамя запад; есть – восток.
Свет сумеречный одинаков.

К полудню переменчив юг,
Но полюс вечно – верх и север.
Как полюбилось, так пою,
Юг, запад и восток отсеяв
За вечноюный неуют
Сибири или всей Расеи.

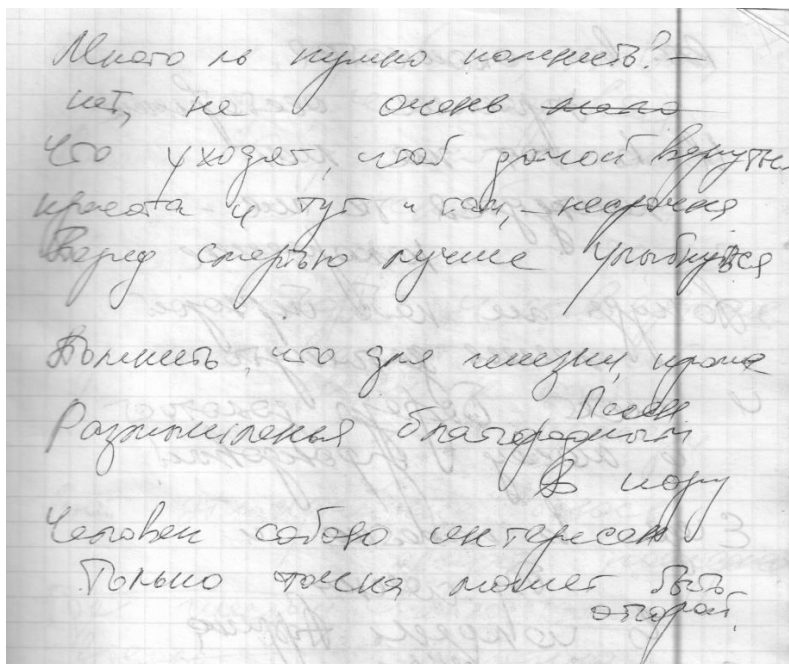
* * *

Ты в свете – вся, и свет идёт с небес
Сквозь окна листьев, а не стёкла окон.
Весь этот лес принадлежит тебе,
И на твоём значке – змея и сокол.

И осень отступилась и стоит.
Лишь лёгкий лист, вострепетав, слетает
К твоим стопам на золоте земли
Для новых рифм: «весталка» и «гетайра*».

За это я люблю вот эту жизнь:
За незаслуженность, как дара, так и кары.
Непогрешима? Бог с ней, погрешим,
Поставив рай и яблоко на карту.

* *Гетайры – дружина македонского царя.*

* * *

Много ль нужно помнить? – Нет, не очень:
Что уходят, чтоб домой вернуться.
Красота и тут, и там – несрочна.
Перед смертью лучше улыбнуться.

Помнить, что для жизни, кроме песен,
Размышленья благородным в пору.
Человек собою интересен.
Только точка может быть опорой.

* * *

Вот-вот окончатся хорошие октябрьские
И в тот же миг начнутся те же – нехорошие.
Покуда ж небо бирюзою лишь затянуто
И лист берёзы золотист, и месяц бронзовый.

Ещё в палатке и без печки в полдень Африка.
Ещё весь день лови загар, а хочешь – харьюза.
И хоть при минусе с утра сегодня завтракал,
Но, если что, то есть плюс сто и выше – париться.

Вот эти, крайние, люблю, как ту, что первая.
Лишь Богу ясно, сколько длиться ясной осени.
И то, что знаешь ты, что вскоре и, наверное,
Прочнее вяжет к этой сини, к этой проседи.

Вот эти крайние. Боюсь сказать – последние.
Стекали летние дожди и бабьелетние.
Здесь каждый лист живым заслугой и наградой.
Войска ветров прошли, червонного награбили.

* * *

Писать о том, что знаешь: о дождях,
Напитках алкогольных и горячих,
О том, как покидают, не дождаьсь,
Что знаешь то, что ничего не значит.

О том, что ты из жизни прочитал,
Усвоил и теперь своим считаешь,
О том, что жил бы этак или так;
Как было нужно – до смерти не знаешь.

О том, что врёшь, «не знаю» – говоря,
О зависти, о подлости, о слове,
О том, что день грядущий мне готовит
Языческую бедность словаря.

О безднах, разделяющих людей,
О небесах, для большинства молчащих,
О том, что можно быть счастливым здесь,
О даре жизнь раздаривать несчастьям
Ради письма вилами по воде.

* * *

Я вслушиваюсь в слова.
Слова со мной разговаривают.
А, чтобы слышней, сперва
Покрепче чаёк завариваю,

И, штору задёрнув, жду,
Как кто-то ещё – пришествия,
С верою, что придут
Верней, чем грехи и лишения.

Придут и поговорим,
А нет – парой слов перекинемся.
... Пара... Перо... Кириллица
Оперяющих рифм.

И это зовётся жизнь;
Прочее – прочное – проще что,
Переходит и подлежит
Лишь терпению очного.

* * *

Правда у тех, кто сильней и умней –
Истина прошлых и нынешних дней.
Сирым, юродивым выдано здесь
Право, прогнувшись, смирить свою спесь.

Ницше не близок; и та нищета
Тщетна, бо сказано – всё суета
В мире подлунном, а в подлинном том
«Камо грядеши?», – услышим потом.

* * *

Ежли жизнь не мираж, то вираж в миражах.
Свет дрожащей звезды и свет сердца под боком
Одинаковы; нечего больше дрожать,
Кроме страха от боли от жизни под Богом.

Это только кино. Эта жизнь за окном
От вины до вина и обратно.
Так откуда ж я знаю, что всё есть одно?
Я не знаю, но знаю, что – правда.

* * *

Холодная голубизна,
Чья глубь всегдашняя без дна.
И локон, что лишь сдунешь – снова,
Ладонь, что лист осенний ждёт,
И дождь, когда она идёт
С работы в среду в полшестого,
И лёгкое дыханье, и...
Уже достаточно двоим
Припомнить реку и рябину,
Бой с ветром, сердца перебой,
Ещё, ещё... и перебор,
И рифма сложная – мы были.

* * *

Необязательность бесед,
Незатруднительная лёгкость,
Где с полуслова знают все,
Что это свой, где ценят ловкость
Искристой речи – выше слога
Учебных формул филолога,
Где движет жизнью сила слов,
Живого слова ремесло,
Где некогда бывал и я:
Когда один, когда – с Пегасом,
Где пел, и плакал, и ругался,
Се – «Дилижанс», мои друзья.

* * *

Светло под светло-синим с жёлтым,
И лес пустой заполнил свет.
Я и октябрь. Тет-а-тет.
И ничего другого нет,
И пусто в сердце обожжённом.

Светло и пусто. Тишина.
И послевыжившие листья.
И это всё моя страна,
Вся золотом разорена.
Я и октябрь. Третий – лишний.

* * *

«Друзья». Я знал всегда, друзья,
Что слово это – подоплёка
Неявной близости с далёким,
Где некогда бывал и я.

Всё реже, реже в те края
Впадает в обмороке память.
Я не один, пока я с вами...
Типа того... пока я пьян.

* * *

Я пишу лишь для тех, кто читает,
Как ни странно, читает ещё,
Кто кротоми томов коротаёт
Хронос дней, и не будет прощён

Жизнью этой за траты без цели
(время – деньги) бесценного дня.
Только кто-то из этих оценит,
А, Бог даст, и полюбит меня.

* * *

Коль красоты я не достиг,
Красивости пора забросить
И перейти на тот язык,
Что беден, как октябрь. Осень –

Давно классический пример
(смотри А.С.) для стихотворства.
Прозрачный и холодный воздух,
И рядом красота и смерть.

Писать, что вижу и живу,
Заметки на ветру и раны.
Быть глуповат, как Голливуд,
И прям, как луч, и прост, как правда.

Пусть кто-то скажет: не стихи,
Но боль не лжёт: ни так, ни в рифму.
Кто жил на хлебе с маргарином,
Тот и в гурманстве слов не хитр.

* * *

Как славно выпить в октябре,
У печки сидя в старом доме.
Вот дождь за окнами долдонит,
А ты со всех сторон согрет.

Там грусть, и холодно, и мор.
Здесь груздь и хруст поленьев в печке.
И, закуривши «Беломор»,
Возможно помышлять о вечном.

В нирване мирной дремлет кот.
Кружочек колбасы отрежем,
Соорудивши бутерброд,
Сумняшеся ничтоже, врежем.

Тепло, теплей. Грустнее вдруг
С банальной фразы «Жизнь проходит»,
Ты скаламбуришь: «Милый друг!».
И в этом ни на грош плохого.

* * *

Всё меньше правильностей в жизни.
Всё больше ассонансных рифм.
Но не пугает мелочь истин.
Свеча горит.
Уж ареал определился,
Уже излишен ореол.
Предпочитаешь лицам – листья.
Свеча и стол.

Жаль одного: исчезло кресло.
Вот уж потеря из потерь!
Как жить теперь на новом месте?
Как жить теперь!..

* * *

Столкновение хаоса с нормой,
Меж «хочу» и «так надо» вражда.
Хочешь шубу, допустим, из норки,
А получишь болонь, как всегда.

Шуба – шутка, примерная мелочь
Для разбега, а строго скажи:
Хочешь мира, а надобно меры.
Хочешь счастья, а надобно жить.

* * *

От инфляции банкротится октябрь.
Заигрались вольны ветры светом неба.
На октаву горизонт собой растянут.
Предпоследний день Помпеи перед снегом.

То-то радости гуляке-гармонисту:
Что увидел, то и спето, то и в строчку.
Ничего, что этот день укоротился –
Срок до дембеля на день зато короче.

* * *

Всё получается из чая,
Из строчки, что подкинул случай,
Из мая, буквы «ч» в печали,
Из памятного поцелуя,

Из целой жизни до сегодня,
Разбега в безбережность завтра,
Инерции пера, что водит
Рукой, из сигарет на завтрак,

Обед и ужин, из пронзённых
Небес осенних синим криком,
Казёнки армии и зоны,
Где мы живём под третьим Римом,

Луны больной, печальнолучной
От одиночества ночами,
Из строчки, что подкинул случай,
Записанной за чашкой чая.

* * *

Кто-то старался учиться отлично,
Кто-то учился читать,
Кто-то готовился к штурму Олимпа,
Кто олимпийцев листал.

Смерть наступала. Птичка летела.
Кто-то учился читать.
Многое сделал, кто должен был делать.
Кто-то прожил просто так.

* * *

Ночь. Тишина. Шум сердечного стука.
Ухо в подушке. Не спишь – и не спи.
Всё-таки жизнь – хорошая штука.
Ночь. Час за часом. Терпи.

Вдруг да приснится что-нибудь: море,
Брамса квартет или слива в вине,
Первооткрытие истины в горе,
Или же просто уснёшь, наконец.

* * *

Октябрь. С утра – воскресенье.
В весёлых картинках окно.
А выйдешь – и пахнет сиренью,
А снег или грязь – всё равно.

И солнце в осколках бутылки...
И целое небо в зрачке...
И почву целуют ботинки...
И мачо в любом мужике.

И каждая женщина – дама
Прекрасная (жаль, незнаком).
Всем счастье законным приданным –
Вполне очевидный закон.

* * *

Из чего? Из ничего,
Из какого-то молчанья,
Что осенними ночами
Выявляет естество.

А куда? А никуда.
По небу земля летает,
И, ни в чём не видя тайны,
Надо всем горит звезда.

А зачем? А просто так
Заповедано природой:
Переливчатое в рондо,
Полнота и пустота.

Что теперь? Терпеть и впредь,
Веселиться, злиться, длиться,
Ждать, пока не растворится
Дверь стучащемуся в твердь.

* * *

Неравенство – врождённая узда.
Раб и бездарность, стены лбом раскрасив,
Со мной садятся рядом: «Да, ты прав был.
Так значит бесполезно?» – «Значит, да».

На лбу моём зажившие рубцы
Теперь уже внушают им доверье:
«Так что ж нам делать?» – «Кроме стен есть двери» –
«А что за ними?» – «Строчные столбцы».

Болящий дух... Короче, анальгин
Всегда есть под рукой, когда есть ручка.
И, сколь ни тяжек твой тяжёлый случай,
Бурлак по жизни с песней не погиб.

И фальшь – ничто. Надрыв и крик – ничто.
А что же – что? А в этом-то и фишка.
Что сам не знаю, только больно слишком.
Врачует дух исписанный листок.

Сонет

Меж серых изб и неба цвета серы
Мне видится невидимый зазор:
Уйти от рифмы зрительной «позор»
И рифмы вкривь неправильной «Рассея»,

Где (без кавычек) люба, надя, вера
Прошлись по жизни поступью босой,
Свежи, чисты, но это ли не сон?
Не пачкали, как в холле пионеры.

Гармония?.. Раз – грязная изба.
Два – треснутое жёлтое окошко...
Гармония? Здесь даже нет гармошки.
Я на губе играю и судьба.
Фальшивит жизнь, которой так немножко,
И слышится неслышная труба.

* * *

Осенний ветер, ищущий тепла, –
Больной бедняк, запутавшийся в листьях.
А кажется, что он от свиста злится
И... раздевает ветку догола.

* * *

Октябрь и, по-моему, среда,
Хоть по погоде видно – понедельник.
Затянутая моросью балда,
Меж палых листьев палая вода.
Повсюду пал. Что остаётся делать?

Да радоваться, чёрт его возьми,
Что был знаком с хорошими людьми,
И был, и есть, и буду назло небу,
Которое позорно моросит.
Кому же хорошо жить на Руси?
Да хоть и мне бы!

* * *

Я сыграю с осенью в карты.
Я сыграю с осенью в бубны.
Эх, расклад мне выпал шикарный!
Всё отдай – а всё не убудет.

Кто ж это фортуной так рулит?
Что ни сдача – карта не бита.
Козырь черва – полные руки,
Гроздь красноезвёздной рябины.

Было дело – делались ставки.
Под полбанки – банки срывали.
От всех статей листья остались.
Я остался, листики, с вами.

* * *

Струна ручья вплелась в струю гитары.
И песня стала хлебом и судьбой.
И вита нова нотами витала
Над прочей жизнью, прочной и скупой.

Всегда, в любой ночи есть, кто не дремлет.
Костёр горит. А что там, за кормой,
Что впереди – всё равно, ибо время
Несрочное в том доме. Мы – домой.

* * *

Где я? Где я?
Там, где рдеет
На закате лист багряный,
Где с утра туман редет
Над бурьяном,

Там, где грустно
Так по-русски
Молодою смертью пахнет
Листьев в синем листопаде,
Вот где, Руська.

* * *

Наглопались лужи звёзд и стали глубже,
По астралу путь до дому пролагая,
Полагая, что неправда, раньше – лучше,
По-другому, дорогому, дорогая.

Скоро время ноября, и мне родится
Предстоит который раз, уже не страшно.
Я с утра поставлю водку в холодильник
Будет день, и будет пища, будет праздник.

Я за время этой жизни научился
Фишки слов передвигать да любоваться,
Да с ума сходить не больно, да лечиться.
Остаётся научиться расставаться.

* * *

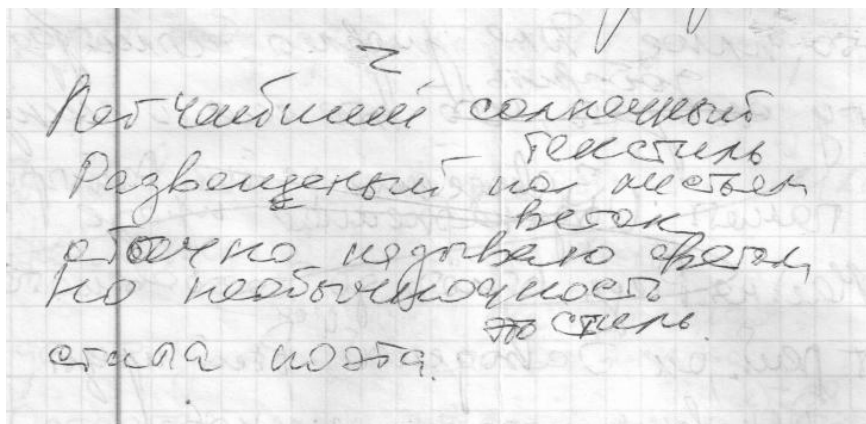
Вот дом. Подъезд, где детство протекало.
Икс, игрек на стене был алфавитом.
Внизу в углу лежала кучка кала.
А я был счастлив, но не знал об этом.

Вот двор. Снесли песочницу. Секреты
(три фантика под стёклышком) отроет
Какой-нибудь, но не поймёт, что это
Архео интересней древней Трои.

Вот школа. Очень средняя. Оттуда
Я ничего, кроме себя, не вынес;
И это плюс. Для рифмы «амплитуда»
Могу добавить: это же и минус.

Вот рай. Он Заводской. И он рай прозы.
Ни буковки поэзии минора.
Там выросли со мной мои вопросы,
Которые и по сей день со мною.

Не боги изгоняют в наше время,
А время нас на землю сводит в гости.
Вот память, что не светит и не греет,
Но сводит пальцы творческою горстью.

* * *

Легчайший солнечный текстиль,
Развешенный по листьям веток,
Обычно называют светом,
Но необычность – это стиль
Стила поэта.

* * *

Осень. В том месте, где осень римейком,
Сядь на скамейку, выкури «Приму».
Прима далече; с дублёршей Каменной
Роли, что розданы, проговорим мы.

Мягкий софит меж остаточных листьев.
Там режиссёр со своею командой
«Камера!» – крикнет неслышно, и лица
В кадре сближаются мало-помалу.

Жанр мелодрамы избит и затаскан,
Точно болоневый бомж в эпизоде.
Но по сценарию надо расстаться
После последних румян горизонта.

Далее: высыпан на небо фосфор,
Главный герой на скамейке, Камена
Вдаль по аллее. Римейк. Контрофорсом
Знание роли, и вновь – неуменье.

* * *

То листьями сохлыми пахнет
Так тонко, то дымом пахнёт
Так горько, как будто бы память.
И в воздухе синем синё.

Неслышно свистит в паутинках
Отвесно спадающий свет.
Иголка впила в пластинку
И радиус сводит на нет.

И в боли рождается чистый,
Рождается звук и бежит
Подальше, чем можно исчислить,
Подольше, чем можно прожить.

Листопад

Смешалось солнце с листьями,
Что стали лёгкой лестницей
Несомой бесполезности.
Узорчата ступень
И входит в раж мажорное,
И в ход идёт минорное,
И пахнет синь мороженым,
И ты слагаешь песнь

Про то, что осень – весело.
За то, что легковесен ты,
По листопадной лестнице
Не падаешь – поёшь
От листика до листика
Про то, что небо близится
Отличное от личного,
Но всё равно твоё.

Всё, что несётся самостью,
Спасётся невесомостью.
Сердца не для осёдлости,
Крыла не для седла.
Поэты – люди странные,
Поэтому пространство им,
И зов, и вызов – странствовать;
И в сторону дела.

Помимо дела частного,
Весёлого и честного,
Пока страницы чистые,
Есть жизнь куда сберечь.
Не зная, что получится,
Смерть оставляет лучшее.
Летят листы и лучики
Вперёд и вверх навстречь.

* * *

И это будет песня. Я не знаю,
О чём. Но в этот вечер будет песня.
Чем не известней, тем и интересней.
И нечего тянуть. И начинаю.

Допустим, о природе и погоде.
Нет, погодим; и ждём иного слова.
Суть пауз в ожидании иного,
Оно само себя на слух находит.

И эта отсебятина поётся
Без аккомпанемента и солиста.
Цигарка курится и дым слонится.
Огонь в печи ещё от кроманьонца

Был призван создавать в дому тепло,
Чтобы начинка стержня не замёрзла.
Часы стучат до всех часов, и Морзе
Одно и то же, и скрипит стило.

Вот в промежуток светло-синих штор
Протиснулся широкоплечий месяц
И говорит: «Ну, что творишь, земля?»
И пялится через плечо в листок.

Хотелось спеть, а вышла ерунда
Из ста попыток девяносто девять.
По этому сценарию: что делать?
Навоз, точней, словесная руда

Ждёт от бездарных ремесла терпенья.
И я готов на ночи и года
С мучительницей музыки и пеня
Ходить туда, неведомо куда,
Чтобы хоть раз нарыть стихотворенье.

* * *

Синее, жёлтое, млечный загиб,
Техника писем для левой ноги,
Песен небрежных.
Вот светлячок сигаретный взлетел
И, очертивши параболу, сел.
Пепел безгрешен.

К «цик-цик» цикады плюсуется стук
Ста листопадов. И тысячи штук
Звёздочек-дочек.
Смотрят с небесной тоской на меня.
Не изменял им – засим не винят,
Но медоточат.

* * *

Там, над замлевшю водою
Замшелый камень, тишина.
И плачет солнечно сосна.
Там, где под розовой звездю
Заката злился пережат
Перезвенеть «цик-цик» цикад,
И за ночь остывал от злобы.
И мы тогда входили оба
Собою воду согревать
Без устали и до озноба.

Нас видел только спутник, что
Отныне видит всё на свете.
На снимках рай, в раю том дети
Грешат и ведают о том,
Что им недолго быть счастливым,
Неважно: вместе ли, не вместе.
Слегка надкушенною сливой
Медоточил медовый месяц.

* * *

А я вдыхаю в себя это небо.
А я вдыхаю в себя эту осень.
Пусть мой путь – вот это сито, а непуть
У меня – ручные рифмы и осы

Слов сухих и мокрой водки пол-литра,
И мажорен смог; и шаг мой пружинист,
Жилист кистью и не беден палитрой,
Чтоб и грязь украсить песней по жизни.

Только личное мужество лечит.
Только боль не лжёт. Другого не знаю.
Встречь сухие прапора, и на плечи
Внеочередное лепит – звезда мне.

* * *

Без артистизма, аристократизма
(где же их взять человеку подполья,
Нищему духом, художнику с запоя)
Не по пути с Синей птицей.

Приговор: чёрная кара – каракуль.
Он же награда и он же спасенье.
Знаешь, кто знает о воскресенье,
Верно, что сам умирал многократно.

Это не страшно, это не больно.
Лобное место под лобною костью.
Слово вместить и не выместить злостью
Слева, под рёбрами места довольно.

Вот из чего получаются песни –
Без артистизма, аристократизма.
Чёрным каракулем в свет воплотиться,
И, чем больней, тем светлей и воскресней.

* * *

В четырёхзвёздном отеле любви,
Мужества, нежности, чистой печали,
Где мы с тобою однажды встречались
И то ли жизнь, то ли ночь провели,

Листья сплетались, и кров шалаша
Был разноцветно-пронзительно-звёздный.
Рай был так прост, потому не осознан,
Наскоро создан, чтоб жить, не спеша.

Месяц черёмухой шёл на ущерб
В чётный, лучистый сиреневый месяц.
Речка струилась серебряным змеем.
Что-то случилось... Не знаю, зачем.
Жили мы долго и умерли вместе,
Так уж положено; рай в шалаше.

* * *

Есть близость душ, есть тел, как будто сил.
Но если б довелось у Бога мне просить,
Я б попросил: быть дальним, быть уродом
Среди людей. Я не люблю народа,
Который жил и проживает на Руси.
Себя, как Русю, тоже не люблю,
Особенно с похмелья и без денег.
Гордыня унижает, что не плюс,
Но длится, возвышая до безделья,
До невмешательства, до пренебречь любым
Путём любого, что не личное, а в личном.
Влюбиться в золотое с голубым,
Что свыше всем, и даже тем, кто лишний.
И если, правда, центробежно зло,
То зло мне здесь, равно за горизонтом,
Куда меня от ближнего несло,
В размеренность и жизнь несло озоном.
Несло зимой, во все концы мело
До холода, до полюса, где милость –
Такое зло, что от себя везло.
И пусть сейчас ты в смерть переменялась,
Я был уродом, ибо – повезло.

* * *

Есть костный хруст и есть зубовный скрежет.
Есть тёплый снег в начале октября.
Есть жар и холод, чахлая земля,
В которой золото. Есть небеса и нежность,
Их женственность, жестокость для живых,
Их гул, свинец, вино заката, проседь
И перистость... Стать листьями травы,
Чтоб смерть встречать, как осень,
Питаясь светом, ветром и дождём
И знать, что никого земле нет ближе.

* * *

Снег идёт, потихоньку идёт, и день
Потихоньку проходит, часы везде
Равномерны, но своенравный стук
Сердца мерит мирным свою версту.
Из надмирья сыплет песком воды,
Там свои счета, здесь свои следы.
Бело-рваной нитью прошита связь.
В непрожитой этой никто не свят.
По снегам ходить, по воде писать.
Ничего нельзя никому сказать.
Чтобы было правдой наверняка,
Снег идёт, как шёл до того века.

* * *

Земную жизнь пройдя уже до сколько,
Как страшно, оглянувшись, увидеть,
Насколько же легко я стал осколком,
Бездарность взял, и нечего отдать.

Не по средствам посредственности слово,
А вкус к живому опреснел уже.
Чего? О чём? О производстве клонов;
Какой-нибудь машинке в гараже.

И в церкви новой (бывший детский сад)
Намазанные маслом небеса.
Куда? Туда? Да не пугает ад.
Но вирши и верёвка – плагиат.

* * *

Чифир допит. И кончились слова.
И равнодушие veni, vidi, vici.
Лежишь и тупо смотришь телевизор.
И звёздам над могилой наплевать.

Но не звезда – алмазная слеза
Настраиивает перспективу взору
За горизонт, где Z – не знаком Зорро,
А зеро, закрывающим глаза.

Несущим свет названье Люцифер,
И звёзды – кровообразные слова.
Насущный хлеб и музыкальность сфер
Сменяя за спирт, на ассонанс излома.

Я думаю, быть может, пионер
Из столь неотдалённого былого,
Как жить не нужно, смертью даст пример.

Оглавление

Гринберг С. «...и на душу дождём слова, чтоб в рифму падать...».....4	
«В сентябрь вновь расцветают «огоньки»...».....5	
«... На моих плечах лежала нежность...»6	
«Но как шершень осу уносит...»7	
«Легко без рифм и без безрифмья...».....8	
«О, Господи! За что такое всё?...».....9	
«Ох, как красиво! Всё в междометьях...»10	
«Опять сентябрь. Старый маскарад...»11	
«Нету желанья работать, стенать, возражать...».....12	
«Сегодня ветер-почтальон...»13	
«Октябрь – скоро. Ночи холодны...»15	
«Октябрь – скоро. Скоро ляжет снег...»16	
«Где Лациум? Где мы? И где Эллада?...».....17	
«Дождь над палаткой. День...».....19	
«Понедельник. Сентябрь...».....19	
«Чтобы вернуться вспять...»20	
«Судьба... Два слога, как в «Ау»...».....23	
«Сыро; октябрь всё сыплет и сыплет...».....24	
«Целый вечер продолжается вечность...»25	
«Мне не на кого жаловаться. Мне...».....26	
1 октября 2005.....27	
«Для вдохновения не нужно выбирать...»28	
«С утра октябрь воскресенья...»29	
«По жизни черновик не перечёркивал...».....30	
«Бог справедлив по-своему ко всем...».....31	
«Всё счастья ждём, но... ожидаем вновь...»32	
«Неудачник во всём... как там... кажется, looser...».....32	
О времени и о себе.....33	
«Сегодня будет день хорош...».....36	
«Октябрь. В розовой воде...».....37	
«Начать прилично с мелочей...».....38	
«Ты в свете – вся, и свет идёт с небес...».....39	
«Много ль нужно помнить? – Нет, не очень...».....40	
«Вот-вот окончатся хорошие октябрьские...».....41	
«Писать о том, что знаешь: о дождях...»42	
«Я вслушиваюсь в слова...»43	
«Правда у тех, кто сильнее и умней...»44	
«Ежли жизнь не мираж, то вираж в миражах...»44	
«Холодная голубизна...»45	

«Необязательность бесед...»	46
«Светло под светло-синим с жёлтым...»	47
««Друзья». Я знал всегда, друзья...»	48
«Я пишу лишь для тех, кто читает...»	48
«Коль красоты я не достиг...»	49
«Как славно выпить в октябре...»	50
«Всё меньше правильностей в жизни...»	51
«Столкновение хаоса с нормой...»	52
«От инфляции банкротится октябрь...»	52
«Всё получается из чая...»	53
«Кто-то старался учиться отлично...»	54
«Ночь. Тишина. Шум сердечного стука...»	54
«Октябрь. С утра – воскресенье...»	55
«Из чего? Из ничего...»	56
«Неравенство – врождённая узда...»	57
Сонет	58
«Осенний ветер, ищущий тепла...»	59
«Октябрь и, по-моему, среда...»	59
«Я сыграю с осенью в карты...»	60
«Струна ручья вплелась в струю гитары...»	61
«Где я? Где я?»	61
«Наглотались лужи звёзд и стали глубже...»	62
«Вот дом. Подъезд, где детство протекало...»	63
«Легчайший солнечный текстиль...»	64
«Осень. В том месте, где осень римейком...»	65
«То листьями сохлыми пахнет...»	66
Листопад	67
«И это будет песня. Я не знаю...»	68
«Синее, жёлтое, млечный загиб...»	69
«Там, над замлевшю водою...»	70
«А я вдыхаю в себя это небо...»	71
«Без артистизма, аристократизма...»	72
«В четырёхзвёздном отеле любви...»	73
«Есть близость душ, есть тел, как будто сил...»	74
«Есть костный хруст и есть зубовный скрежет...»	75
«Снег идёт, потихоньку идёт, и день...»	76
«Земную жизнь пройдя уже до сколько...»	77
«Чифир допит. И кончились слова...»	78